

Елагина Александра

**г. Санкт-Петербург, Гимназия № 52 Приморского района, 10 «А» класс
«Время стреляться!»**

Рецензия на спектакль «Маскарад. Воспоминания будущего»,

Александринский театр, Санкт-Петербург

Режиссёр - Валерий Фокин

С днём отрывочного повествования.

Я не ожидала, идя на этот перформанс-маскарад, что в памяти намертво засядут мужчины в красивейшей форме XIX столетия.

Девчачий визг и писк, ох уж эти подростковые гормоны. Ничего с собою не поделаешь, приходится терпеть, заламывать руки и кусать губы.

Это огромное эстетичное удовольствие. Рай для эстета. Это... Бог ты мой, какие погоны и мундир! Какие воротнички и перчатки! Какая... форма! Кто там художник по костюмам — Ника Велегжанинова? — огромный респект и уважение! Ещё и исторически восстановленные! Кланяюсь в ноги и приношу все почести!

Очень славно начинать своё повествование, залетая с ноги и крича о том, какие невероятные мужчины в форме, но пора бы перейти к делу (хотя к нашим баранам мы ещё вернёмся...) и поговорить серьёзно о спектакле Александринского театра "Маскарад. Воспоминания будущего" режиссёра Валерия Фокина.

Почему "воспоминания будущего"? Весь спектакль (уточним: первый акт) — одна сплошная реконструкция и стилизация "Маскарада" Мейерхольда, полный старый театр, начиная от костюмов и декораций и заканчивая наблюдением за голосом первоначального актёра. Второй акт — траур, панихида не только по убитой Нине, но и по тому старому, ушедшему театру. Ведь в первом акте и способ существования артиста, и приём сверх марионеток и зеркал, и даже старая видеозапись зрительного зала — всё

погружает нас в тот старый мир, в театр Мейерхольда, где был расцвет и мощь. Второй акт — смерть, забвение старого, исповедь по нему, посмертная записка, и развитие нового театра. Вот прямо сейчас бери и вешайся, впечатление такое.

Одно только пространство спектакля в самом начале поражает до мурашек — так много пустого безжизненного пространства, такой космос, такой вакуум и одиночество. Из-под земли появляются марионетки в капсулах (Коломбины, Пьеро и Арлекины — излюбленные персонажи поэтов Серебряного века) — и пошли песни-пляски, типичная тусовка начала XX столетия, мне кажется. Но все это под очень тревожную и даже хаотичную инструментальную музыку — причём хаос очень гармоничный и сбалансированный, отрада для шизофреников. И вообще музыкальное сопровождение в спектакле потрясающее — резкие струнные, высокие духовые и хор в придачу.

Весь этот маскарад — сплетни, интриги и разврат, причём в какой-то момент прошлое выливается в настоящее: бал превращается в клубную тусовку, где все похоже на дикарей или бесов из преисподней. Страшная, но правда.

Чёрный человек (Есенин? Пушкин? Моцарт?...) в маске чумного доктора — не только рок Арбенина (Пётр Семак), но и рок театра, его тень, его судьба и смерть, дух театра (Николай Мартон). Неизвестный с горечью рассказывает, как был пышен и могуч раньше, а сейчас совсем завял. Неслучайно в конце спектакля мы слышим выстрел — смешно, Мейерхольда-то расстреляли — даже театр застрелился, а ты нет. Непорядок.

Арбенин, возвратившийся после очередного бала домой, произносит весь свой монолог в полном одиночестве — кресла на сцене пустуют, пусто и безжизненно вообще всё и все, кроме самого Арбенина. Даже Нина (Олеся Соколова) лишь снаружи красавица, а внутри — ничего. По сути, весь

спектакль — один большой монолог Арбенина, его исповедь, его поток мыслей.

От оригинального лермонтовского текста осталось очень мало персонажей — Евгений Арбенин, Нина, князь Звездич (Виктор Шуралёв), да неизвестный. Гости на балу — само собой разумеющееся, в блистательных костюмах и шикарных офицерских мундирах (мечта поэта!...) — на деле пустышки, Арбенин бродит среди них как потерянный зверь в клетке, не замечая их существования. Для него есть одна Нина — хотя если подумать, она ничем не отличается от тех светских львиц и львов, у которых на уме — одни маскарады да балы.

После убийства Нины на сцене снова выезжают снизу в капсулах пары женщин, одетых как Нина, и прекрасных мужчин в форме (ещё и в черных карнавальных масках!...), сзади танцуют ещё несколько пар, и каждый мужчина сначала танцует с безвольным трупом дамы, а потом начинает душить, бить и издеваться над ней. Собственно говоря, двойники Арбенина, миниатюра "Арбенин и Нина", только под ритмичную музыку с соло скрипки. Мне кажется, эта сцена и есть кульминация спектакля: осознание того, что театр-то убили зря на фоне лихорадочного танца со смертью.

Убийство Нины — труп в подсвеченном белом квадрате, будто ангел, упавший с небес. Смерть Арбенина — труп тоже в белом квадрате, но контраст создаёт его чёрный фрак на белом фоне. Разговоры о потерянном браслете между Арбениным и Ниной создают ощущение шахматного боя, поскольку площадка подсвечена именно так: черные-белые квадратики. Выигрывает Арбенин, достойный противник ему достался, поскольку спорят они долго: минут двадцать зритель смотрит на разговор двух людей, причём местами даже непонятный, но именно в этом и заключается старый театр! Разговоры о высоком, о духовном занимают практически все повествование, и современный зритель от этого устаёт. Хорошо ли это или плохо сказать трудно, но одно можно с уверенностью заявить: старый театр

в этом спектакле показан превосходно и натурально. Я, конечно, плоховато помню те времена, но узнавание произошло.

Отдельное внимание декорациям — меняют их, как перчатки — четыре вида гигантских занавесов: разноцветный, голубовато-золотой, чёрный и совмещённый разноцветный с голубовато-золотым. Вроде. Они настолько огромны и появляются так беззвучно и быстро, что мысленно присвистываешь от удивления. На их фоне очень остро ощущаешь свою "маленькость". Весь второй акт — черные шторы, как и подобает трауру по умершему театру, разноцветные возникают при первом долгом разговоре Нины и Арбенина, а голубовато-золотые — во время бала, где Нина играет на фортепиано, а красивейшие мужчины в форме танцуют вальс со своими дамами. Да и вообще, на сцене — минимализм по интерьеру, и какое это производит впечатление! Одно слово — катарсис, когда ты из зала после первого акта выходишь с огромными от удивления глазами и трясущимися руками с мыслями а-ля: "Какие мужчины в форме, боже мой!..."

Второй акт начинается с некого этюда Семака, где артист пытается переключиться из метода существования в старом театре в новый театр, и потому перекладывает события оригинальной истории на современный лад: мужчина, офисный работник, убил жену и расчленил её, части тела рассовал в мусорные пакеты. Спасибо за совет. Монолог произносится на фоне разноцветного занавеса, артист стоит с микрофоном, как стендап-комик, читает монотонным усталым голосом. Оп-па, вот тебе и современный театр. Кончается спектакль смертью Арбенина: рядом застывшие фигуры неизвестного и князя Звездича (в гусарской форме!...), на заднем фоне хор отпевает панихиду по количеству смертей в спектакле (минус три за два акта, недурно). Опускается (угадайте, какой?) чёрный занавес, затем он снова поднимается и мы замечаем некую перестановочку: труп Арбенина все лежит, но рядом с "чумным доктором" в позе Наполеона восстаёт изначальный исполнитель роли Арбенина — Ю.М. Юрьев. Может, надежда

на возрождение старого театра все же есть? Может, его вылечит чумной доктор? Может, он недостижимо возвышается над нами и говорит: "Нет, господа, моего уровня вам не достигнуть никогда. Я уйду навеки. Прощайте".

Я не знаю, как закончить рецензию.

Пожалуйста занавес, артисты на поклон.

Слышится выстрел из револьвера.